

Стратегии конструирования идентичности путешественников — русских дворян Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского по Монголии

Наталья В. Поморцева, Светлана В. Красильникова, Людмила В. Апакина

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Айгерим Э. Эрнисова

Кыргызско-Российский Славянский университет, Республика Кыргызстан

В статье исследуется проблема конструирования представлений русских путешественников конца XIX — начала XX в. Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского о Монголии и рассматривается роль пространственных образов в осмыслении авторами травелогов собственной идентичности в свете концепции Космо-Психо-Логоса Г. Д. Гачева. Концепция ученого позволяет описать монгольскую культуру как единое семиотическое пространство, аккумулирующее архетипы сакрального ландшафта, национального характера и мышления.

Рассматривается восприятие авторами путешествий в Центральную Азию мифологемного образа невидимой страны Агарты (Пржевальский) и Агарты (Оссендовский), соотносимого в представлениях русских путешественников с широко распространенными легендами Тибета и Индии о стране Шамбала с одной стороны, и о Беловодье в представлениях старообрядцев Сибири — с другой.

Утверждается, что авторы путешествий в поликультурной среде использовали стратегию гибридной или смешанной идентичности. Нарратив о невидимой земле в сочинениях путешественников — это экзистенциальный опыт переживания «своего» и «чужого» пространства. Авторы путешествий демонстрируют открытость при восприятии элементов центральноазиатской культуры и воспринимают её как совместимую с родной.

Ключевые слова: гибридная идентичность; национальный образ; Космо-Психо-Логос; инкультурация; аккультурация; культурная память; монголы; травелог; Георгий Дмитриевич Гачев; Николай Михайлович Пржевальский; Антон Мартынович Оссендовский

Для цитирования:

Поморцева Н. В., Красильникова С. В., Апакина Л. В., Эрнисова А. Э. Стратегии конструирования идентичности путешественников — русских дворян Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского по Монголии // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 138-153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.10>

Поморцева Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русистики, этноориентированной педагогики и цифровой диактики Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Эл. адрес: pomortseva-nv@rudn.ru

Красильникова Светлана Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой диактики Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Эл. адрес: mnemozina04@mail.ru

Апакина Людмила Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой диактики Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Эл. адрес: apakina-lv@rudn.ru

Эрнисова Айгерим Эрнисовна — кандидат филологических наук, заведующая центром русского языка Кыргызско-Российского Славянского университета. Адрес: 720022, Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Чуй, д. 44. Эл. адрес: aigerim_ernisova@mail.ru

Strategies for constructing the identity of travelers – Russian nobles N. M. Przhevalsky and A. M. Ossendovsky in Mongolia

Natal'ia V. Pomortseva, Svetlana V. Krasil'nikova, Liudmila V. Apakina

RUDN University, Russian Federation,

Aigerim E. Ernisova

Kyrgyz Russian Slavic University, Republic of Kyrgyzstan

The article analyzes the construction of representations by Russian travelers of the late 19th to early 20th centuries, specifically N. M. Przhevalsky and A. M. Ossendovsky, regarding Mongolia. It examines the role of spatial images in the authors' interpretation of their own identities through the lens of G. D. Gachev's Cosmo-Psycho-Logos concept. This theoretical framework allows for a description of Mongolian culture as a unified semiotic space that accumulates archetypes of the sacred landscape, national character, and modes of thinking.

The article explores how these travelers perceived the mythologized image of the invisible land of Agarti (Przhevalsky) and Agharta (Ossendovsky), which Russian travelers associated with widely known legends of Tibet and India about the land of Shambhala on the one hand, and the Old Believers' concept of Belovodye in Siberia on the other.

It is argued that these travel authors, within a multicultural environment, employed a strategy of hybrid or mixed identity. The narrative of an invisible land in their works represents an existential experience of encountering both "self" and "other" spaces. The travelers display openness to elements of Central Asian culture, viewing it as compatible with their native culture.

Keywords: hybrid identity; national image; Cosmo-Psycho-Logos; inculturation; acculturation; cultural memory; Mongols; travelogue; Georgy Dmitrievich Gachev; Nikolai Mikhailovich Przhevalsky; Anton Martynovich Ossendovsky

For citation:

Pomortseva N. V., Krasil'nikova S. V., Apakina L. V. and Ernisova A. E. Strategies for constructing the identity of travelers – Russian nobles N. M. Przhevalsky and A. M. Ossendovsky in Mongolia. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 138-153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.10>

POMORTSEVA, Natalya Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Head, Department of Russian Studies, Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Diactics, RUDN University. Postal address: 10/3 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. E-mail: pomortseva-nv@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-4224-8138

KRASILNIKOVA, Svetlana Valeryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Russian Studies, Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Diactics, RUDN University. Postal address: 10/3 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. E-mail: mnemozina04@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6157-6677

APAKINA, Lyudmila Vyacheslavovna, Candidate of Pedagogical, Associate Professor of Department of Russian Studies, Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Diactics, RUDN University. Postal address: 10/3 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. E-mail: apakina-lv@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-2595-2641

ERNISOVA, Aygerim Ernisovna, Candidate of Philology, Head, Center of the Russian Language, Kyrgyz Russian Slavic University. Postal address: 44 Chui Av., Bishkek, Kyrgyzstan, 720022. E-mail: aigerim_ernisova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-2003-6594

Введение

В русской литературе путешествий сюжет об открытии себя в Другом определяет контуры этнографического дискурса, где «текст становится не только описанием иного места, но прежде всего, определяет зону контакта, в которой люди, географически и исторически разделенные, устанавливают диалог с другой культурой, часто связанный с трудно разрешимым конфликтом» (Castillo, 2006: 276). Другими словами, репрезентация опыта путешественника происходит в смысловом поле межкультурного дискурса как предзаданной жанром травелога области значений событий в пространстве и времени с позиции ценностно-смысловой интерпретации автором (Бахтин, 1996: 148; Слободяник, 2007: 60–67).

С середины XIX в. со стороны Императорского Русского географического общества усиливается интерес к окраинным территориям Центральной Азии, Сибири, Дальнего Востока, Севера. В этот период осуществляются первые этнографические экспедиции русских путешественников Г. Н. и А. В. Потаниных (Потанин, Потанина, 2017), П. К. Козлова (Козлов, 1913) и других исследователей в Центральную Азию, в частности, в Монголию и граничащую с ней Туву (Иргит, 2023; Вайнштейн, 1966: 244). В числе первых появляются этнографические очерки М. В. Зайцева «Краткий очерк Монголии» (Зайцев, 1925), П. Е. Островских «Саянские хищники»¹, Г. Е. Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» (Грум-Гржимайло, 1930) и Ф. А. Кона «Экспедиция в Сойотию» (Кон, 2007). Кроме того, этнографические описания быта, языка, мифологии и религиозных верований центральноазиатских народов содержатся в сочинениях Е. К. Яковлева, Н. Ф. Катанова², С. Р. Минцлова, К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной и Ю. Н. Рериха (см.: Четырова, Сахаров, 2023).

Созданные в результате специально организованных экспедиций, данные литературные тексты были написаны в форме путевых дневниковых заметок и включали в себя элементы классического жанра путешествия или травелога. Так, в частности, в них репрезентирован образ Другого через изложение дорожных впечатлений и очерковый тип повествования о быте и нравах центральноазиатских народов (описание сакральных объектов, верования в духов-хозяев гор, синкретизм шаманских верований с буддизмом, ремесла, праздники и т. п.). Концептуальной рамкой очеркового сюжета при этом становится оппозиция «свой — чужой». Она задает движение автора путешествия из «своего» в «чужое» пространство. «Свое» описывается через действия путешественника в этом локусе, а «чужое» репрезентируется через описание символов инокультурного пространства. Таким образом, рассматриваемые этнографические путешествия как жанр содержат и точку зрения Другого (коренного жителя), и оценки стороннего наблюдателя (путешественника), обнаруживая признаки диалогичности. Подчеркнем, что именно эта двойственность и определяет специфику жанра путешествия как метажанровой синкретичной литературной формы, включающей в себя элементы документальных жанров очерка, дневника, автобиографии, делового отчета, исторического рассказа, авантюрных романов (Сорочан, 2024: 31; Эткинд, 2001).

Для нас важно подчеркнуть, что, начиная с середины XIX в., данные литературные и этнографические штудии демонстрируют модели идентичности русского путешественника, естествоиспытателя, ученого, пытающегося открыть для себя и других неизведанные земли Центральной Азии, Дальнего Востока, Севера и их обитателей на границе с Российской империей. Авторы далеко не всегда демонстрируют уважение к традиционной культуре центральноазиатских народов, а термины «иностранцы», «иноверцы» и «туземцы» в значении окраинных народов Российской империи часто употребляют вслед за путешественниками более раннего периода (конца XVIII — начала XIX в.): И. И. Лепехиным, П. В. Засодимским, С. В. Максимовым — в уничижительном, оценочном значении (Грамотчикова, 2012: 103–108; Четырова, Сахаров, 2023).

Таким образом, опираясь на культурные и этнические стереотипы, авторы этнографических путешествий осмысливают историю России и себя в ней через описание впечатлений от контактов с другими народами на границах империи, формируя образы центральноазиатских территорий как экзотической окраины, евроазиатского фронта с позиции визионера, репрезентируя значения, ценности и смыслы «воображаемого пространства» (Anderson, 1991). Нам представляется, что травелоги путешественников расширяют оптику видения пограничных с Россией территорий и яв-

¹ Островских П. Е. Саянские хищники: Рассказы. М.; Л.: Государственное издательство, 1927.

² См.: Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / подгот. текстов, предисл. и комм. А. К. Кужугет. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002.

ляются средством формирования новых коммуникационных межличностных практик и моделей идентичности.

В данной статье с точки зрения описания стратегии конструирования этнокультурной идентичности, под которой понимается система репрезентации самоощущенности личности путешественника в единстве исполнения им множества социокультурных ролей с позиции опыта прошлого, настоящего и будущего во времени и пространстве с опорой на структуры памяти (Erikson, 1968; Мамардашвили, 2014; Гуссерль, 2009; Нуркова, 2006), рассматриваются путешествия русских дворян Н. М. Пржевальского и А. М. Осендовского.

В их сочинениях, помимо значимых исторических сведений о монголах, репрезентирован опыт усвоения мифологии рассматриваемой территории Центральной Азии и России. Авторы травелогов воспроизводят мотивы преданий о Шамбале или скрытой от человека стране *Агарти*. Нам важно понять изменения в самоидентификации путешественников по Монголии в свете восприятия преданий о Шамбале (*Агарти*) в связи с историческим контекстом XIX — начала XX в. (колониальная политика Российской империи по отношению к малым народностям и события революции и Гражданской войны в крае). В этой связи мы выдвигаем гипотезу, что отсылка к Шамбале позволяла авторам выдвинуть иную, не имперскую, колонизаторскую по сути, модель осмысления исторического места центральноазиатских народов, в частности, монголов и иного социокультурного мифа с опорой на инаковость культуры другого этноса.

Цель исследования — рассмотреть специфику этнокультурной идентичности авторов путешествий Н. М. Пржевальского и А. М. Осендовского в геокультурном пространстве Монголии, территория которой генерирует новые смыслы, тем самым, пересоздается новый миф фронта в контексте диалога национальных образов мира русской и центральноазиатской культуры в свете концепции Г. Д. Гачева «Космо-Психо-Логос».

Теоретический подход Г. Д. Гачева актуализируется в нашем исследовании диалогического жанра путешествий с их многоголосием этнокультурного разнообразия в свете концепция осмысления ученым национального образа мира народов через единство взаимосвязанных и взаимодополняющих факторов: Космоса (природы, истории и культуры этноса), Психеи (психического склада этноса) и Логоса (мышления этноса). Данный подход позволяет более полно выявить и описать образно-символический потенциал центральноазиатских территорий, поскольку направлен на изучения образа мира нации, имеющего текстовую природу (Гачев, 2020). Тем самым, методология Г. Д. Гачева плодотворна в междисциплинарном аспекте рассмотрения специфики трансграничного пространства и выявления новых моделей идентичности как авторов травелогов, так и местного населения в аспекте их диалога в коммуникативном пространстве межкультурного дискурса.

Поставленная цель определяет задачи работы: во-первых, сделать обзор исследовательской литературы по проблеме специфики идентичности; во-вторых, описать культурные ассоциации, семантику архетипических образов и смыслов в языковой картине мира русских путешественников в свете рецепции мифологических представлений тувинцев и русских о невидимой Шамбале (*Агарти*); в-третьих, необходимо описать дискурсивные стратегии авторов, их самосознание в контексте социокультурной адаптации к иной культуре на основе аккультурации (вторичной социализации) и инкультурации (символизации «чужой» культуры).

Для анализа мы опирались на тексты указанных авторов в следующих изданиях: «Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии» были обработаны по подлинным его сочинениям М. А. Лялиной с предисловием проф. Э. Ю. Петри (СПб., 1891)¹, повесть-путешествие А. Осендовского «Люди, боги, звери» с предисл. М. Михаловского (М., 2005)².

Теоретико-методологическая основа

Для темы нашего исследования, безусловно, важно выявить модель идентичности, которая выстраивается в путешествиях авторов конца XIX — начала XX в. — А. Осендовского и Н. Пржевальского. Их тексты репрезентируют социокультурный опыт авторского осмысления времени и пространства территории Центральной Азии в форме путешествия.

¹ Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии. СПб.: Дивирен, 1891.

² Осендовский А. Люди, боги, звери. М.: Яуза, ЭКСМО, 2005.

Признавая множественность трактовок понятия «идентичность» (национальная, социокультурная, гендерная, гражданская и государственная идентичности) мы вслед за представителями социального конструктивизма А. Вендтом (Wendt, 1994: 230) и Ф. Крадохвиллом (Kratochwil, 1991: 100–125) считаем, что идентичность — это набор интерсубъективных смыслов, ролей, которые индивид конструирует с опорой на структуры памяти во времени и пространстве с позиции процесса осознания «Я», самоидентичности «Я» в коммуникации с «Другим». С помощью наррации, рассказа в этой связи формируется понятие «Я» и «Мы». Исследование социальных правил и практик, к формам которых можно отнести и рассматриваемые путешествия, необходимо для того, чтобы понять, как функционирует общество на основании общих представлений об объектах и процессах.

В целом, гибкость в подходах к понятию «идентичность» позволяет применять междисциплинарные подходы к выявлению механизмов идентичности как социального конструкта в ходе семиотической интерпретации культурных следов, закрепленных в языковом коде. В свете сказанного важно описать в рассматриваемых литературных формах ключевые слова и заключенные в них концепты: понятия, образы и символы, отражающие национальные идеалы (Степанов, 2007).

Семиотический код (Pierce, 2007; Eco, 2014) при этом играет роль основания социального опыта рассматриваемых авторов (Лотман, 1996; Петров, 2019). Он закрепляется в процессе самоидентификации личности, т. е. осознания человеком собственной этнической соотнесенности с национальной топикой, определения своей социальной роли и конфессиональной принадлежности в процессе семиотической интерпретации культурных текстов традиции — семиозиса¹.

Ключевую проблему понимания функций символа, источники символической интерпретации в национальных культурах рассмотрел филолог и культуролог Г. Д. Гачев. Выдвинутая им концепция «Космо-Психо-Логоса» является весьма эффективным теоретическим инструментом для осмысления национального образа мира и позволяет прояснить истоки культурных реалий, в особенности при перенесении их на иную культурную почву (Гачев, 2020). Модель Г. Д. Гачева «Космо-Психо-Логос» позволяет выявить этноментальные маркеры национальной самобытности, рассмотреть и интерпретировать топоры — языковые формулы, воплощающие в себе национальный образ мира, т. е. «как понимается мир, человек, смысл существования, шкала ценностей, какая логика действует и определяет понятия и поступки» (Гачев, 2020: 6).

Ученица Г. Д. Гачева — З. А. Кучукова отмечает в своем труде, что «ядром карачаево-балкарской концептосферы является пространственный архетип вертикаль (тик, ёр), задающий онтологическую ритмику всей системе объективной и духовной жизни народа. Именно поэтому карачаево-балкарская концептуальная картина мира может иметь больше общих точек соприкосновения с грузинской, осетинской, кабардинской, чем допустим, с турецкой, казахской или тувинской концептосферой» (Кучукова, 2005: 286). Кроме того, проблемы взаимодействия национального и общекультурного рассматриваются в указанном аспекте и в работах У. М. Далгат (Далгат, 1981), Ю. М. Тхагазитова (Тхагазитов, 1999) и др.

Подчеркнем, что для Г. Д. Гачева природа каждой страны — это текст, служащий средством познания и преобразования мира, условием для диалога и самопознания нации через множество знаков культуры (Гачев, 1990: 11). На наш взгляд, методология Г. Д. Гачева, дополненная структурно-семиотическими методами исследования Ю. М. Лотмана (Лотман, 2000), В. Н. Топорова (Топоров, 2003), геопоэтическим анализом текста в трудах В. В. Абашева², А. П. Люсого³, И. Сиды (Сид, 2013) с дискурсно-аналитическим подходом (Шапинская, 2017) позволяет включить в анализ этнокультурной идентичности путешественников экстралитературные факторы, значимые в семиотизации трансграничного пространства. Так, горные и степные ландшафты в текстах формировали визуальные доминанты центральноазиатских территорий, а мифы, легенды и предания, в свою очередь составляли основу эмоционального нарратива, который закреплял в сознании читателей травелогов символические доминанты тюркских народов и способствовал их дальнейшему закреплению и развитию в поликультурном пространстве Европы и Азии.

¹ Бразговская Е. Е. Семиотика. Языки и коды культуры : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024.

² Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. Пермь, 2012.

³ Люсий А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2003.

Важно отметить, что в свете концепции Г. Д. Гачева этноментальные маркеры, закрепленные в знаковых фигурах и событиях в текстах национальных мифов, преданий и легенд, хранимых народной памятью, выявляются в контексте взаимодополняемости трех уровней национального мира: *Космоса* — местной природы, *Психо* — души Психеи, характера народа и *Логоса* — склада мышления (национального мышления). При помощи концепта «Космософия» ученый исследует идеи, которыми Природа наделяет человека в зависимости от географии места: например мировое древо германцев *Stammbaum*, где «штамм» задает осевую опору вертикали, а само родовое древо «читается по модели Дома», а *bauen* — «строить», «созидать», а в плоскости польской модели того же Древа «ЛИСТВА важнее ствола». Тогда как в России не одиночное древо, но «Лес» будет моделирующим, и в русском сознании богатство леса противопоставлено отдельному дереву, связанному с мотивом сиротства. Другим примером может являться сравнение казахского логоса с русским. У казахов много внимания уделяется общению, больше времени тратится на встречи, гостей, разговоры, отсюда «цепкая память», т. е. «кто в каком веке и в какой ситуации что сказал, помнится и поется, и передается и ныне, так что не надо записи и книг» (Гачев, 2020: 136). Русский же логос — «молчаливо-стеснительный, русский человек сам трудится наедине с землей и лесом, ограничен ВЕРТИКАЛЬЮ, тогда как казах — притянут ГОРИЗОНТАЛЬЮ переплетения родовых отношений, он разговорчив» (Гачев, 2020: 156). Таким образом, реальное пространство, как отмечает ученый, наполняется в исторических, философских и художественных нарративах мифопоэтическими и историко-философскими смыслами, создающими «возлюбленную непохожесть», представление о Другом и его мире, как о самобытном инструменте в оркестре человечеств., что является важнейшим онтологическим принципом существования наций в эпоху глобализации.

В рассматриваемых травелогах русских дворян Пржевальского и Оссендовского реконструируется древний миф о невидимой стране как иномирном пространстве скрытого духовного знания, который являлся для путешественников инструментом для аргументации собственных авторских стратегий осмысления другого этноса и себя в коммуникации с ним. Через усвоение мифов, формирующих основу этнической идентичности монголов, авторы вступали в коммуникацию с иной культурной традицией (буддизм, шаманизм, тэнгрианство) и не только сами расширяли межкультурные знания, но и приобщали широкий круг русских читателей к этнокультурным знаниям о других центральноазиатских народах и вызывали чувство уважения к ним.

В контексте анализа этнографических по своей стилистике путешествий по Центральной Азии Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского методологические принципы анализа Г. Д. Гачевым этнографического уровня культуры: быта, дома, одежды, пищи представляются нам актуальными в свете процесса национального семиозиса. Так, с помощью древнего натурфилософского кода 4-х стихий — «Небо», «Воздух», «Огонь», «Вода» ученый декодирует информацию, заложенную в глубинных пластах традиционной культуры, и структурирует социальный контекст (Гачев, 1988: 17). В последнем, например, телесное (пища) переходит в духовное и проявляется смысл религиозных праздников с традиционными пищевыми предписаниями и запретами, в чем, по мысли ученого, проявляется забота о сохранении генетического здоровья нации.

Кроме того, поскольку идентичность основана на памяти и воспоминании о прошлом, для настоящего исследования также было важно понять механизмы коллективной памяти, хранящей «образы воспоминаний» (Хальбвакс, 2005: 8) о важных событиях, которые Я. Ассман называет «фигурами воспоминания». Попадая в коллективную память, они становятся элементами идейной системы данного общества, данной группы (Ассман, 2004: 95). Специфика «фигур воспоминания» определяется тремя признаками: отнесенности к конкретному времени и пространству, отнесенностью к конкретной группе и воссозданием как специфическим для них способом действия. Все они присутствуют в анализируемых нами текстах путешествий.

Однако рассматриваемые нами этнографические тексты путешественников сохраняют и так называемую «память жанров» русской традиционной культуры, транслирующими ценности и установки. В данном контексте Бахтин рассматривал жанр как «представителя творческой памяти», способным обеспечить единство и непрерывность в процессе литературного развития. Жанры, как и слова, переключаются со старыми контекстами, позволяя нам говорить также о жанровых гибридах. Память слова и память жанров, используемая авторами такой синкретичной литературной формы, как путешествие, включающей в себя элементы документальных жанров, сохраняется в их формальных и смысловых элементах, наполняющихся при этом новым содержанием и новым смыслом. В этих

литературных текстах ощущаются другие тексты, то есть они «помнят» памятники прошлого, вступая с ними в новый диалог. В этом смысле к ним, безусловно, можно применить термин «текст памяти», аккумулирующий другие тексты и являющимся гипертекстовой структурой, в рамках которой и проявляется модель множественной или гибридной идентичности в межкультурном диалоге, по М. Бахтину (Бахтин, 1979: 320).

Кроме того, анализируя специфику конструирования идентичности авторов рассматриваемых путешествий важно обратиться к известным концепциям множественной или гибридной идентичности, постулируемых в работах М. Тлосгановой и Г. Ансальдуа. В работе «Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века» М. В. Тлосганова в рамках мультикультурной парадигмы рассматривает дискурс культурного многообразия в литературе США (Тлосганова, 2000). Вывод исследовательницы о процессе формирования американской множественной идентичности в результате отчуждения от «чужого», того, что не является «своим» и должно быть исключено из воображаемой культуры, совпадает с теорией Ж. Лакана о визуальной идентичности человека, данной в зеркальном отражении другой личности. Субъект при этом соотносит свое представление об идеале с Другим, которого он либо копирует, либо вступает в конфликт (Лакан, 1997). По мнению исследовательницы, у современного человека, лишённого корней, («культурного мигранта», «символического кочевника») появляется расщепленная идентичность, что само по себе внушает надежду на путь к обретению целостности (Тлосганова, 2006: 11).

Взгляд Г. Ансальдуа на феномен пограничной субъективности между миром западным и незападным сосредоточен на локусе транскультурации, в котором рождаются новые парадигмы и смыслы видения себя и других. Здесь исследовательница не соглашается с традиционными моделями интеграции и аккультурации и пытается осмыслить мир другой культуры не как зрелище, что характерно для западной культуры, но как отдельный голос пишущего и думающего субъекта. Идентичность личности при этом находится в зазоре между разными типами культур и пересоздает свое «Я». Так, Г. Ансальдуа предлагает «жонглировать культурами», обитая в плюралистичной вселенной, создавать новый способ познания и оценки себя и окружающего мира» (Anzaldúa, 1987: 3).

С этих позиций рассматриваемые концепции множественной, гибридной идентичности дополняют методологические принципы концепции Г. Д. Гачева и оказываются продуктивными для исследования указанных нами травелогов в аспекте выявления и описания стратегий конструирования идентичности их авторов.

Обращение рассматриваемых авторов к древней мифологеме Шамбалы или *Аггарти* — горной страны, где живут мифические существа и которая скрыта от людей, позволяет рассматривать текст преданий в путешествиях Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского как «фигуры воспоминаний» (Ассман), а также выявить их символический смысл с позиции конструирования идентичности авторов.

В данном аспекте путешествия Н. М. Пржевальского еще не становились предметом историко-культурного и шире — семиотического анализа, хотя исследователи активно обращались к изучению его путешествий в этнографическом аспекте. Что касается путешествия А. М. Оссендовского, то оно не становилось предметом филологических и семиотических исследовательских описаний.

Архетипические образы в путешествии Н. М. Пржевальского

Благодаря деятельности крупного учено-географа П. П. Семенова-Тян-Шанского в восьмидесятых годах XIX в. были организованы десятки экспедиций в Центральную Азию, в том числе при его прямом содействии были организованы четыре экспедиции Николая Михайловича Пржевальского и его сподвижников в данный регион. Из пройденных 33 288 километров пути Н. М. Пржевальский произвел съемку около 20 тысяч километров местности на карту, составил большое количество описаний флоры и фауны территории и оставил дневниковые записки о событиях в экспедиции, которые раскрывают личность Пржевальского как патриота своей страны, человека толерантного, гуманного, готового защитить и помочь местному населению, даже рискуя своей жизнью. Это подтверждают и слова А. П. Чехова о нем, как о человеке, являющимся нравственным образцом общества¹.

Чехов А. П. Н. М. Пржевальский // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1979. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. С. 236.

Мы в данном исследовании обращаемся к изданию его путешествия по рукописным дневникам 1892 г. в Санкт-Петербурге¹.

Анализируемое путешествие интересно как литературный опыт встречи русского путешественника с ландшафтом Центральной Азии. Травелог Н. М. Пржевальского был создан в результате литературной обработки его экспедиционных дневников за 1872, 1876 и 1883 гг., содержащих очерковые заметки об экономике, образе жизни и нравах местного населения. Подчеркнем, что Н. М. Пржевальский в своих трудах уделял большое внимание легендам и преданиям народов Центральной Азии. Он считал их ценным источником информации о культуре, истории и мировоззрении местных жителей.

Повествовательный стиль травелога является очерковым, поскольку наблюдения и размышления самого автора группируют вокруг нарратора всю сумму описываемых фактов. Очерковую природу жанра путешествия и авторские интенции помогает понять вступительное слово самого автора, где он пишет:

«В страшной дали от родины, среди людей, чужих нам во всем, мы жили родными братьями, вместе делили трудности и опасности, горе и радости. И до гроба сохраняю я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничной отвагой и преданностью делу обусловили, как нельзя более, весь успех экспедиций»².

Здесь присутствует жанровая интенция путешествия вордсвортианского типа, в сценарии которого путешественник гордо шествует по пути страданий, странствуя по труднодоступным регионам, он подчас по мировоззренческим причинам (служба интересам Российской империи) принимает дискомфорт и экстремальные условия, пропагандируя моральные ценности. Анализ концептосферы сочинения Пржевальского показывает, что в языковой картине мира автора значимым концептом являются концепты «Родина», «Чужбина», «Семья».

Н. М. Пржевальский записал множество легенд, услышанных им от кочевников, охотников и местных жителей. Среди наиболее известных представлена легенда о происхождении монголов, в частности, о том, что монголы произошли от союза серого волка и белой лани. Эта легенда объясняет тотемное почитание волков у монголов и их веру в происхождение своего народа от священных в их культуре животных.

Другие записанные Н. М. Пржевальским легенды повествуют о Священной горе Хан-Тенгри и о происхождении озера Иссык-Куль. В частности, Пржевальский вставил в повествование легенду о том, что Священная гора Хан-Тенгри является обителью богов. Легенда повествует о том, как боги спустились на землю с этой горы и принесли людям знания, культуру и цивилизацию; а в записанной им другой легенде о происхождении озера Иссык-Куль сообщается, что озеро Иссык-Куль образовалось из слез прекрасной девушки, оплакивавшей смерть своего возлюбленного. Согласно легенде, слезы девушки заполнили долину и образовали озеро, которое до сих пор сохраняет соленый вкус.

Однако именно легенда о подземном царстве *Агарты* была записана Пржевальским дважды в путешествиях за 1876 и 1883 гг. ученого по территории Монголии.

Автор записал рассказы о подземном царстве *Агарты*, где обитают мудрецы и святые. Согласно легенде, страна *Агарты* связана с поверхностным миром через пещеры и подземные ходы, и ее жители время от времени выходят на поверхность, чтобы помочь нуждающимся людям.

В главе 3 своего Путешествия автор так описывает эту мифическую страну:

«По общему поверью всех монголов, на северо-западе от хребта Боро-Хоро и к юго-западу от озера Куку-нор существует таинственное подземное царство Агарты, называемое также иногда Шамбалой или Эргликом. Монголы верят, что там обитают мудрецы и святые, которые находятся во главе всех буддийских монастырей и имеют сношения с небом. Многие монголы утверждали мне, что они сами видели царя Агарты, выезжавшего на белом коне из подземелья, чтобы объезжать свои владения. По их словам, жители Агарты выше ростом обыкновенных людей, очень красивы и живут чрезвычайно долго»³.

¹ Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии. СПб.: Дивирен, 1891.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 99.

Пржевальский описывает основные мотивы легенды о подземном царстве *Агарти* и сообщает ее координаты: она находится на северо-западе от хребта Боро-Хоро и к юго-западу от озера Кукур-нор. Мотив небесных покровителей представлен так: в *Агарти* обитают мудрецы и святые, которые руководят буддийскими монастырями и общаются с небом. Мотив необычной силы мифологических персонажей реализован в указании на сверхъестественные способности жителей, такие как: долголетие, высокий рост и физическая сила.

Легенда об *Агарти* широко распространена среди народов Центральной Азии и является частью их культурного и религиозного наследия. Известно, что образ невидимой подземной страны в представлениях монголов, исповедующих буддизм в форме ламаизма с XVIII в., соотносится в сочинениях путешественников с широко распространенными легендами о стране Шамбала¹ в Тибете и Индии (Andersen, 1997).

Данный комплекс мотивов представлен во множестве легенд горных народов Востока и Азии. Внутреннее пространство Горы в их сознании — священное пространство со всеми особенностями сакральных феноменов. Рациональное начало неотделимо в сознании жителей от иррационального: желание встречи с самими Владыками гор, небесными покровителями божественного происхождения и получение от них всевозможных материальных благ.

Что касается русской традиционной культуры, то схожий мотивный комплекс зафиксирован в легендах о Беловодье, Белом острове, таинственной земле обетованной, полной чудес в представлениях старообрядцев Сибири. Легенда о Беловодье была также зафиксирована археографическими экспедициями АН СССР в Восточном Казахстане и в долинах верхнего Енисея (Чистов, 2003; Савоскул, 2011).

Таким образом, предание о невидимой стране *Агарти* в контексте нарратива Н. М. Пржевальского свидетельствует о том, что автору было важно было показать представления коренных народов Центральной Азии о себе, о мире и своем месте в нем. Соприкосновение с иной культурой демонстрирует стратегию смешанной или гибридной идентичности, поскольку автор, с одной стороны, демонстрирует в ходе аккультурации взгляд на жителей края как на дикие, далекие от цивилизационных успехов Европы, народы, называя их «туземцами». А с другой (в ходе символизации чужой для автора культуры в акте инкультурации) — он проявляет устойчивый интерес к национальному образу мира монгольского народа, выявляя пространственный архетип духовной культуры монголов (по Г. Д. Гачеву) — подземную страну, что иллюстрирует дважды встречаемый текст легенды об *Агарти* в рассматриваемом тексте. Мифоритуальное пространство подземной страны выступает в нарративе Пржевальского как чужой локус, но сохраняет положительную коннотацию, так как связано с идеей справедливости и защиты простого человека верхними богами в монгольской национальной картине мира и идеей земного рая в хорошо известных автором легендах о невидимом граде Китеже, транспонированной старообрядцами в легендах о Беловодье. Египтолог Я. Ассман называет подобные тексты «топографическими текстами культурной памяти», которые не только припоминаются, но и воссоздаются (Ассман, 2004: 63).

В травелогe Пржевальского эти символические «фигуры воспоминания» репрезентируют образ Другого, представляя особенности самосознания жителей и помогая автору определить, переосмыслить Свое место в открываемой им мире самобытной культуры. Не случайным нам представляется тот факт, что в сознании ученого-путешественника образ удваивается: пребывание на чужбине рассматривается как лиминальное состояние «смерти», ужаса перед непознанным, поэтому легенда об *Агарти* «будоражит» сознание путешественника. Вследствие глубокого проникновения в иную культуру в ходе символизации пространства в результате социокультурной адаптации происходит не просто приспособление автора травелога к «чужому» миру, но этот мир становится «своим» (Поморцева, Красильникова, 2023). Доказательством этому служит желание Н. М. Пржевальского похоронить его в окрестностях о. Иссул-Куль, которое стало для него второй родиной и местом упокоения.

¹ См. о Шамбале: Tenzin Gyatso, the Dalai Lama (1989) *The Kalachakra Tantra. Rite of initiation / The text itself*, edited, translated, and annotated by J. Hopkins. London: Wisdom Publications. P. 20.

² Осендовский А. Люди, боги, звери. М.: Язуа, ЭКСМО, 2005.

Архетипические образы в путешествии А. М. Оссендовского

Путешествие Антона Мартыновича Оссендовского, положенное в основу его автобиографических очерков «И боги, и звери, и люди»² представляет автобиографический тип дискурса об истории своей жизни. Речевое событие в рассматриваемом тексте выстраивается как цепь нарративных событий путешествия-бегства автора от преследований большевиков в Туву и Монголию во время событий революции и гражданской войны в первой четверти XX в. Однако автор реконструирует события прошлого, уже находясь в эмиграции, поэтому выстраивает их репрезентацию, опираясь на некий романтический образ скрытой страны Шамбалы, куда можно убежать от грозящих ему бед и несчастий.

Текстообразующими концептами в повествовании являются концепты «Родина», «Чужбина», «Семья». «Я-концепт» при этом определяет интенцию путешественника-нарратора А. М. Оссендовского (1878–1945) в вынужденной эмиграции и актуализируется в тексте как одна из ветвей рода (рождение в Витебске, учеба в Санкт-Петербургском университете и в Сорбонне, служба преподавателем в Томском университете, работа инженером в Сибири и на Дальнем Востоке, активное участие в революционном движении в годы Первой революции)¹. В судьбе автора отразилась жизнь целого поколения эмигрантов, вынужденных бежать от ужасов послереволюционного террора. Путешественник сообщает, что дважды оказывался под следствием из-за своих действий во время гражданской войны, скрывался от революционных беспорядков в Урянхайском крае (Туве) и Монголии.

Определяя цель своего путешествия, Оссендовский отмечает, что путевые записки он вел в краткой форме, «не упоминая о времени и проходимых пространствах, потому что я и мои спутники, мы знали только два времени года — морозы и тепло, а пространства для нас не существовали, равно как и трудности переходов, потому что мы шли не для научных исследований и не для удовольствия, а спасали свою жизнь²».

Вместе с отрядом барона Унгерна герой находит спасение в мифической *Агарты*. Предание о скрытой стране автор обрамляет этнографическим повествованием о каменных скульптурах алтайских народов:

«Наконец мы выбрались из лесов и вступили на бескрайние просторы Минусинской степи, усеянной множеством соленых озер и пересеченной высокой грядой гор Кызыл-Кайя. Это край великого множества могильных надгробий, больших и малых дольменов, памятников бывшим властелинам земли: здесь воздвигали десятиметровые каменные изваяния Чингисхан, а позднее и хромой Тамерлан — Тимур. Тысячи дольменов и каменных фигур тянутся к северу бесчисленными рядами»³.

Здесь автор описывает культурные реалии, связанные у центральноазиатских народов с почитанием культом предков — мавзолеев и оваа, которые по мысли Г. Д. Гачева, кочевые народы, перешедший к оседлости, «выносили» на периферию своего бытия, отчуждая от себя (Гачев, 2020: 152).

Далее идет описание разграбленного рудника и разрушенной церкви как национального символа русского народа:

«Большевики повывозили отсюда все, что только смогли: оборудование, запасы продовольствия, — частично разобрали и отдельные строения. Поодаль мрачно темнела обесчещенная церковь: окна выбиты, крест сброшен, часовня сожжена. Печальный символ сегодняшней России. Семья оставшегося на прииске сторожа влачила полуголодное существование, живя в постоянном страхе и лишениях»⁴.

Здесь мы видим травматичную для личности эмигранта Оссендовского экзистенциальную ситуацию человека, лишенного корней, — культурного мигранта: старого дореволюционного цивилизованного мира, в котором отражался автор, больше нет, этот мир разрушен, поэтому авторские стратегии сосредоточены на поисках иного мира; сознание эмигранта Оссендовского готово символически присвоить его как «новую реальность» (Anzaldúa, 1987: 7).

Повествование о встрече героя «с Живым Буддой», ламой, который видит будущее и становится свидетелем множества чудес, предваряет рассказ о бегстве автора в поисках символического спасения в идеальное пространство невидимой *Агарты*. Развивая фольклорный сюжет своего путешествия, А. М. Оссендовский, как и Н. М. Пржевальский, использует указанные нами выше мотивы небесных покровителей и необычной силы жителей *Агарты*:

¹ См. о биографии Оссендовского: Кузьмин, Рейт, 2008.

² Оссендовский А. Люди, боги, звери. ... С. 24.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 58.

«Царство это — Агарта. Оно простирается на все подземные ходы земли. Я слышал, как один ученый лама из Китая рассказывал богдохану, что подземные пещеры в Америке населены прежними обитателями этого материка. Народы подземного царства и все пространство под землей управляются начальниками, подвластными владыке мира. В пещерах, под землей, царит особенный свет, благодаря которому там произрастают хлеба и растения, а люди живут долго, никогда не болея... Жители Агарты могут высушить моря, превратить материки в океаны, а горы — в пыль пустынь. По приказанию владыки появляются травы и кустарники; старые и слабые люди становятся молодыми и крепкими, а мертвые снова пробуждаются к жизни»¹.

В анализируемом нами отрывке с позиции триады «Космо-Психо-Логоса» находит подтверждение мысль Г. Д. Гачева о Логосе кочевника, где доминируют концепты дороги, пути. В свою очередь, в Логосе индуиста и буддиста превалирует Знание, которое открывается не каждому, это «путь», по которому идет человек в поисках Шамбалы — святого места, и ищет скрытое духовное знание. Данный мотив невидимого сакрального места, где избранные получают силу, также реализован в путешествии Оссендовского при осмыслении культуры монголов, которые исповедуют религию буддизма в форме ламаизма.

Представляется, что сюжет легенды о скрытом царстве *Агарты*, использованный автором, соотносится с хорошо известными у разных народов и культур фольклорными легендами о Шамбале и о Беловодье, невидимом граде Китеже как символе земного рая, Небесного Иерусалима, в котором могут найти дом не только нуждающиеся в материальных средствах люди, но также и те, кто хочет получить монастырское уединение.

Важно отметить, что интерпретация ключевых символов национального образа мира центральноазиатских народов, в частности, монголов и в начале путешествия — тувинцев, также представляет собой смешанную гибридную модель идентичности.

Например, при описании тотемного мифологического образа медведя в традициях тувинцев, автор прибегает к стратегии демифологизации зверя в начальных главах. Медведь описан автором как существо низкое, что указывает на перенесение стереотипных представлений о медведе в родной ему культуре в противоположность сакральному значению тотемного образа медведя в иной для него культуре тувинцев:

медведь «...принадлежал, видимо, к тем медведям, которых зовут “муравьедами” — вырожденками из семейства этих благородных животных. Я знал, что “муравьеды” легковозбудимы, свирепы, и потому стал готовиться и к обороне, и к нападению»².

Оссендовский вспоминает как он ел мясо медведя в петроградском ресторане «Медведь» и сопоставляет с ситуацией приготовления мяса погибшего животного в новой для себя реальности тайги:

«Неплохо получались у меня и гамбургские бифштексы, которые я сворачивал и жарил на раскаленных камнях. Постепенно они набухали, превращаясь в большие шары, а по вкусу не уступали тому нежнейшему суфле, какое мы, помнится, едали в петроградском ресторане “Медведь”»³.

В тексте Пржевальского мы выявили стратегию аккультурации в иную культуру неконфликтного типа при сохранении ключевых черт своей культуры при одновременном принятии элементов культуры большинства, а в случае с Оссендовским присутствуют элементы сепарации, неприятия чужой культуры (Ward, Kennedy, 1993).

Заключение

Анализ специфики конструирования идентичности в путешествиях Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского показывает, что их стратегию культурной идентичности можно определить как гибридную, смешанную, поскольку она совмещает в себе этнокультурные маркеры «своей» и «чужой» культуры.

Легенда о стране *Агарты* стала художественной мифологемой, определяющей с одной стороны, отчужденность русских путешественников от бескрайних просторов российских степей, их «уми-

¹ Там же. С. 85.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 60.

рания» в качестве русского человека, а с другой, «возрождение» в сознании второй родины в тексте Н. М. Пржевальского, и особой выделенности и противопоставления себя Другой культуре в пространстве их диалога в тексте путешествия А. М. Оссендовского. Авторы при этом демонстрируют открытость при восприятии элементов центрально-азиатской культуры и воспринимают её как совместимую с родной. В этой связи они проявили аккультурационную стратегию интеграции, то есть при сохранении ядра личности — собственных этнических традиций и верований одновременное принятие иных этнокультурных ценностей.

Таким образом, представляется, что сюжет легенды о скрытом царстве *Агарты*, использованный авторами-путешественниками, соотносится с хорошо известными у сибирских старообрядцев фольклорными легендами о Беловодье, невидимом граде Китеже, который можно увидеть только духовно «чистым» людям.

Продолжая линию сюжетного развития этих фольклорных нарративов, авторы-путешественники предлагает новый семиотический код прочтения данного символа на границе видимого и невидимого миров сакрального ландшафта Монголии (горы), где происходит транграничные контакты с разными цивилизационными «текстами» культуры. Именно здесь в мире Шамбалы, о которой писал и Н. Рерих, стираются границы между пространством человека и его предков, человеком и миром природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман, Я. (2004) Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры. 363 с.
- Бахтин, М. М. (1979) Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия. 320 с.
- Бахтин, М. М. (1996) Собрание сочинений: в 5 т. М. : Русские словари. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. 731 с.
- Вайнштейн, С. И. (1966) Памятники кызылганской культуры // Труды Тувинской комплексной археологической экспедиции / отв. ред.: Л. П. Потапов. М. ; Л. : Наука. 299 с. С. 143–184.
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 450 с.
- Гачев, Г. Д. (1990) Национальный космос // Современная драматургия. № 2. С. 10–21.
- Гачев, Г. Д. (2020) Национальные образы мира. Цивилизации Центральной Азии: (Интеллектуальные путешествия). М. : Академический проект. 784 с.
- Грамотчикова, Н. Б. (2012) «Изобилие» и «бедность» в этнографических очерках С. В. Максимова «Лесная глушь» и «Год на Севере» // Уральский исторический вестник. № 1 (34). С. 103–108.
- Грум-Гржимайло, Г. Е. (1930) Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 2. Л. : Гос. рус. геогр. общество. 859 с.
- Гуссерль, Э. (2009) Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Академический Проект. 489 с.
- Далгат, У. Б. (1981) Литература и фольклор. Теоретические аспекты. М. : Наука. 303 с.
- Зайцев, М. В. (1925) Краткий очерк Монголии. Харбин: Типо-литогр. Л. Абрамовича. 30 с.
- Иргит, Ч. К. (2023) Первые экспедиции по этнографическому изучению Тувы в конце XIX — начале XX вв. // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3 (6–7). С. 115–133.
- Козлов, П. К. (1913) Трехлетнее путешествие (1899–1901 гг.) по Монголии и Тибету. Экспедиция РГО. СПб.: Типография Главного Управления Уделов. 233 с. С. 1–58.
- Кон, Ф. Я. (2007) Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет // Урянхай. Тыва дептер : в 7 т. / сост. С. К Шойгу. М. : Слово/Slovo. Т. 4. Урянхайский край: Перекресток мнений (конец XIX — первая половина XX вв.). 549 с. С. 348–547.
- Кузьмин, С. Л., Рейт, Л. (2008) Записки Ф. А. Оссендовского как источник по истории Монголии // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 5. С. 97–110.
- Кучукова, З. А. (2005) Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых. 309 с.
- Лакан, Ж. (1997) Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М. : Русское феноменологическое общество. 365 с.

Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек текст — семиосфера — история. М. : Языки Славянской Культуры. 464 с.

Лотман, Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб. : Искусство, СПб. 704 с.

Мамардашвили, М. К. (2014) Психологическая топология пути. М. : Фонд Мераба Мамардашвили. 1248 с.

Нуркова, В. В. (2006) Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т. 307 с.

Петров, М. К. (2019) Человекоразмерность. Типы культур и отношение человека к природе: Типы культур и отношение человека к природе. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та. 108 с.

Поморцева, Н. В., Красильникова, С. В. (2023) Специфика конструирования этнической идентичности в межкультурном дискурсе (к вопросу о лингвокультурной адаптации средневекового автора «Хожения за три моря Афанасия Никитина») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № S6. С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-23.021>

Потанин, Г. Н., Потанина, А. В. (2017) Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиной в жизнь. М. : Эксмо. 448 с.

Савоскул, С. С. (2011) Легенда о Беловодье в XX столетии // Фольклор и этнография. К девятидесятилетию со дня рождения К. В. Чистова / отв. ред. А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская. СПб. : МАЭ РАН. 316 с. С. 203–211.

Сид, И. (2013) «Власть Маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен // Институт «Русская антропологическая школа». Труды. Вып. 13 / сост. Е. М. Болтунова. М. : Изд-во РГГУ. 190 с. С. 27–35.

Слободяник, Н. Б. (2007) Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). С. 60–67.

Сорочан, А. Ю. (2024) Литература путешествий как литература. Тверь: ООО «Альфа-Пресс». 256 с.

Степанов, Ю. С. (2007) Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянской культуры. 248 с.

Тлосганова, М. В. (2000) Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М. : ИМЛИ РАН «Наследие». 400 с.

Тлосганова, М. В. (2006) Транскультурация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 2. С. 5–16.

Топоров, В. Н. (2003) Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб. : Искусство, СПб. 616 с.

Тхагазитов, Ю. М. (1999) Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик : Эльбрус. 156 с.

Хальбвакс, М. (2005) Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. № 2/3 (40/41). С. 8–27.

Четырова, Л. Б., Сахаров, А. С. (2023) Травелоги в перспективе гендерного ориентализма (по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 141–152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Чистов, К. В. (2003) Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб. : Дмитрий Буланин. 539 с.

Шапинская, Е. Н. (2017) К методологии исследований культуры: дискурсивный анализ [Электронный ресурс] // Культура культуры. № 2. С. 88–97. URL: http://www.cult-cult.ru/to-the-methodology_of-cultural-studies-discourse-analysis/?ysclid=lvqk6d90kf50794443 (дата обращения: 30.04.2024).

Эткинд, А. (2001) Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : Новое литературное обозрение. 496 с.

Andersen, J. (1997) Kalacakra. Textual and ritual perspectives. Harvard University. 332 p.

Anderson, B. (1991) Imagined Societies. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London ; N. Y. : Quebecor World. 240 p.

Anzaldua, G. (1987) Borderlands/La Frontera: The New Mestiza. San Francisco. 260 p.

Castillo, S. P. (2006) Colonial Encounters in New World Writing, 1500–1786: Performing America. L. : Routledge. X, 276 p.

Kratochwil, F. (1991) Rules, norms, and decisions: on the conditions of practical and legal reasoning in international relations and domestic affairs. Cambridge University Press. 312 p.

Pierce, A. (2007) Deepening Musical Performance through Movement: The Theory and Practice of Embodied Interpretation. Indiana University Press. 248 p.

Eco, U. (2014) *From the Tree to the Labyrinth. Historical Studies on the Sign and Interpretation* / trans. by A. Oldcorn. Cambridge : Harvard University Press. 634 p.

Erikson, E. H. (1968) *Identity: Youth and crisis*. New York, NY. : Norton. 336 p.

Ward, C., Kennedy, A. (1993) *Acculturation and Cross-Cultural Adaptation of British residents in Hong Kong* // *Journal of Social Psychology*. Vol. 133(3). P. 395–397.

Wendt, A. (1994) *Collective Identity Formation and the International State* // *American Journal of Sociology*. Vol. 88. № 2. P. 384–396.

Дата поступления: 27.08.2024 г.

Дата принятия: 16.09.2024 г.

REFERENCES

Assman, Ya. (2004) *Cultural memory: Writing, Memory of the past and political identity in the High Cultures of antiquity*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 363 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1979) *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow, Sov. Rossiia. 320 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1996) *Collected works*: in 5 vol. Moscow, Russkie slovari. Vol. 5. Works of the 1940s — early 1960s. 731 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1966) *Monuments of Kyzylgan culture*. In: *Proceedings of the Tuvan Complex Archaeological Expedition* / ed. by L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, Nauka. 299 p. Pp. 143–184. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1988) *National images of the world*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 450 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1990) *National Space*. *Sovremennaiia dramaturgiia*, no. 2, pp. 10–21. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2020) *National images of the world. Civilizations of Central Asia: (Intellectual Journeys)*. Moscow, Akademicheskii proekt. 784 p. (In Russ.).

Gramatchikova, N. B. (2012) "Abundance" and "Poverty" in S. V. Maksimov's ethnographic essays "The Wilderness of the Forest" and "A Year in the North". *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (34), pp. 103–108. (In Russ.).

Grum-Grzhimailo, G. E. (1930) *Western Mongolia and Urianhai Region*. Vol. 3. Issue 2. Leningrad, Russian Geographical Society. 859 p. (In Russ.).

Husserl, E. (2009) *Ideas for a Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy*. Moscow, Akademicheskii Proekt. 489 p. (In Russ.).

Dalgat, U. B. (1981) *Literature and folklore. Theoretical aspects*. Moscow, Nauka. 303 p. (In Russ.).

Zaitsev, M. V. (1925) *A brief essays of Mongolia*. Kharbin, Typo-lithography by L. M. Abramovich. 30 p. (In Russ.).

Irgit, Ch. K. (2023) The first expeditions on the ethnographic study of Tuva in the late XIX — early XX centuries. *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, no. 2–3 (6–7), pp. 115–133. (In Russ.).

Kozlov, P. K. (1913) *A three-year journey (1899-1901) through Mongolia and Tibet. The RGO Expedition*. St. Petersburg, Printing House of the Main Department of the Shire. 233 p. Pp. 1–58. (In Russ.).

Kon, F. Ya. (2007) Expedition to Soyotia. For fifty years. In: *Urianhai. Tyva depter* : in 7 vol / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 4. Uriankhai region: Crossroads of opinions (late XIX — first half of XX centuries). 549 p. Pp. 348–547. (In Russ.).

Kuz'min, S. L. and Reit, L. (2008) F. A. Ossendovsky's Notes as a source on the history of Mongolia. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 5, pp. 97–110. (In Russ.).

Kuchukova, Z. A. (2005) *The ontological metacode as the core of ethnopoetics: (Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry)*. NaI'chik, Publishing house of M. and V. Kotlyarov. 309 p. (In Russ.).

Lakan, Zh. (1997) *The instance of the letter in the unconscious, or the Fate of the Mind after Freud*. Moscow, The Russian Phenomenological Society. 365 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1996) *Inside the thinking worlds. Man text — Semiosphere — history*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 464 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000) *The Semiosphere*. St. Peterburg, Iskusstvo, SPb. 704 p. (In Russ.).

Mamardashvili, M. K. (2014) *The psychological topology of the path*. Moscow, Merab Mamardashvili Foundation. 1248 p. (In Russ.).

- Nurkova, V. V. (2006) *Mirror with memory: The phenomenon of photography: Cultural and historical analysis*. Moscow, Russian State University for the Humanities. 307 p. (In Russ.).
- Petrov, M. K. (2019) *Human dimension. Types of cultures and man's relationship to nature: Types of cultures and man's relationship to nature*. Rostov-na-Donu; Taganrog, Publishing House of the Southern Federal University. 108 p. (In Russ.).
- Pomortseva, N. V. and Krasil'nikova, S. V. (2023) The specifics of constructing ethnic identity in intercultural discourse (On the question of the linguocultural adaptation of the medieval author of "Walking across Three Seas Afanasy Nikitin"). *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. S6, pp. 21–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-23.021>
- Potantin, G. N. and Potanina, A. V. (2017) *Siberia. Mongolia. China. Tibet. Life-long journeys*. Moscow, Eksmo. 448 p. (In Russ.).
- Savoskul, S. S. (2011) The legend of Belovodye in the twentieth century. In: *Folklore and ethnography. On the ninetieth anniversary of K. V. Chistov's birth* / ed. by A. K. Baiburin and T. B. Shchepanskaia. St. Petersburg, MAE RAN. 316 p. Pp. 203–211. (In Russ.).
- Sid, I. (2013) "The Power of the Route": Travel as a fundamental anthropological phenomenon. In: *Institute of the Russian Anthropological School. Proceedings*. Issue 13 / comp. by E. M. Boltunova. Moscow, RGGU Publ. 190 p. Pp. 27–35. (In Russ.).
- Slobodianik, N. B. (2007) The Construction of Identity in political Discourse: on the role of social antagonism (on the concept of political discourse by Laclau and Mouffe). *Politicheskaiia lingvistika*, issue 2 (22), pp. 60–67. (In Russ.).
- Sorochan, A. Yu. (2024) *Travel literature as literature*. Tver', OOO «Al'fa-Press». 256 p. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2007) *Concepts. The thin film of civilization*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 248 p. (In Russ.).
- Tlosganova, M. V. (2000) *The problem of multiculturalism and literature of the USA at the end of the XX century*. Moscow, IMLI RAN «Nasledie». 400 p. (In Russ.).
- Tlosganova, M. V. (2006) Transculturation as a new episteme of the era of globalization. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Filosofiiia*, no. 2, pp. 5–16. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2003) *St. Petersburg text of Russian Literature: selected works*. St. Petersburg, Iskusstvo, SPb. 616 p. (In Russ.).
- Tkhagazitov, Yu. M. (1999) *The evolution of the artistic consciousness of the Adygs*. Nal'chik, El'brus. 156 p. (In Russ.).
- Khal'bvaks, M. (2005) Collective and historical memory. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2/3 (40/41), pp. 8–27. (In Russ.).
- Chetyrova, L. B. and Sakharov, A. S. (2023) Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 141–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>
- Chistov, K. V. (2003) *Russian folk utopia (genesis and functions of socio-utopian legends)*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin. 539 p. (In Russ.).
- Shapinskaia, E. N. (2017) On the methodology of Cultural research: discursive analysis. *Kul'tura kul'tury*, no. 2, pp. 88–97. [online] Available at: http://www.cult-cult.ru/to-the-methodology_of-cultural-studies-discourse-analysis/?yclid=lvqk6d90kf50794443 (access: 30.04.2024). (In Russ.).
- Etkind, A. (2001) *Interpretation of travel. Russia and America in travelogues and intertexts*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 496 p. (In Russ.).
- Andersen, J. (1997) *Kalacakra. Textual and ritual perspectives*. Harvard University. 332 p.
- Anderson, B. (1991) *Imagined Societies. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; N. Y., Quebecor World. 240 p.
- Anzaldúa, G. (1987) *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza*. San Francisco. 260 p.
- Castillo, S. P. (2006) *Colonial Encounters in New World Writing, 1500–1786: Performing America*. L., Routledge. X, 276 p.
- Kratochwil, F. (1991) *Rules, norms, and decisions: on the conditions of practical and legal reasoning in international relations and domestic affairs*. Cambridge University Press. 312 p.
- Pierce, A. (2007) *Deepening Musical Performance through Movement: The Theory and Practice of Embodied Interpretation*. Indiana University Press. 248 p.
- Eco, U. (2014) *From the Tree to the Labyrinth. Historical Studies on the Sign and Interpretation* / trans. by A. Oldcorn. Cambridge, Harvard University Press. 634 p.

Erikson, E. H. (1968) *Identity: Youth and crisis*. New York, NY., Norton. 336 p.

Ward, C. and Kennedy, A. (1993) Acculturation and Cross-Cultural Adaptation of British residents in Hong Kong. *Journal of Social Psychology*, vol. 133(3), pp. 395–397.

Wendt, A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *American Journal of Sociology*, vol. 88, no. 2, pp. 384–396.

Submission date: 27.08.2024.

Acceptance date: 16.09.2024.